

2.4 О главных атрибутах «следов смерти»

В своей статье «Что есть СЛЕД и в чём состоит его эпистемологическая роль?» S. Kremer называет 10 признаков следа. И хотя не все названные Kremer атрибуты следа имеют отношение к «следам смерти», я, тем не менее, назову здесь все 10 признаков «следа», потому что считаю, что историку их необходимо знать. При этом замечу, что признаки эти распространяются не только на «следы прошлого», но и на «следы будущего». Точнее говоря, характер следа зависит не от самого следа, а от того «(ис)следователя», который, часто с помощью «тех же самых» следов, стремится реконструировать как своё прошлое, так и своё будущее. Для любого «следа» характерно

1) *отсутствие (Abwesenheit)*, но «след не делает отсутствующее присутствующим, а, наоборот, указывает на чьё-то отсутствие; След показывает не отсутствующее, а, скорее само *отсутствие*»⁸⁷. И отсутствие это может быть как «отсутствием прошлого», так и «отсутствием будущего».

И P. Ricœur также утверждает, что след «присутствуя презентирует собой отсутствующее», и таким образом он всё время «обозначает что-то, не давая увидеть само это что-то»⁸⁸. Это качество следа, без всякого сомнения, характерно и для «следа смерти». Ведь любое погребение, «указывая» на прошлую жизнь, «скрывает» и одновременно «презентирует» её нам как *захоронённую* или им *(co)хранённую*.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ «die Spur signifiziert, ohne erscheinen zu lassen». Ricœur, Paul. Zeit und Erzählung. 3 Bde. Bd. III: Die erzählte Zeit. München 1991. S. 199.

2) След выполняет функцию ориентировки (*Orientierungsleistung*), что предполагает, что «читающий следы имеет свои интересы и преследует свои цели...», утверждает Kremer. Проще говоря, человек начинает только тогда читать следы, когда это ему нужно.

Находясь на прогулке в лесу, я не читаю «следы животных», а идущий впереди охотник внимательно всматривается в них. Но если я только замечу, что из моего кармана во время моей прогулки выпала очень ценная вещь, то я немедленно заинтересуюсь не только своим окружением, но и его следами. Также в истории следы позволяют человеку «сориентироваться», определить свои координаты во времени и в пространстве.

3) *Материальность (Materialität)*: «Следы являются нам как опредмеченные (материализованные); вне физической формы нет и следа». Следы должны быть *воспринимаемыми, видимыми или осязаемыми*. «Следы смерти» не составляют в этом случае никакого исключения. Также смерть, чтобы быть воспринимаемой, должна себя показывать.

4) *Нарушение (Störung)*: «Следы бросаются нам только тогда в глаза, когда они нарушают порядок [...] Следы приобретают смысл, когда они являются отклонениями [...]».

Я до этого не обращал внимания на окна своего дома, а сегодня они бросились мне в глаза, потому что кто-то их разбил / выкрасил их в нелепо красный цвет... Моё восприятие привлекают именно «нарушения» и «отклонения», аномальное, а не нормальное. Также любая смерть есть явное «нарушение» и отклонение от установившегося порядка. Любая историческая хроника включает в себя нечто, что «выбивается из ряда», что нарушает «обычный порядок» жизни, что не является «повседневностью» (убийство, сражение, революция).

5) *Немотивированность следа (Unmotiviertheit)*: «Следы не делаются, а оставляются непреднамеренно», утверждает Kremer. Здесь, однако, я должен принципиально возразить ей.

Это только следы на песке оставляются человеком «немотивированно» или по принципу «просто так». А вот памятники, захоронения и погребения не могут быть «немотивированными» или случайно оставленными следами. *Случайной* может быть смерть человека, но не акт его захоронения. Смерть наступает внезапно, но её внезапный приход почти всегда аккуратно *фиксируется и документируется* человеком в памятниках и захоронениях. Французский историк античности Paul Veune (Поль Вейн) указывает в этой связи на то, что практически «весь прибавочный продукт античного общества уходил на его архитектурные строения, сооружения, колонны, статуи и памятники, что свидетельствовало о чётко выраженном интересе этого общества — выразить себя»⁸⁹. И я дополню, стремлении увековечить себя в *преднамеренно* оставленных следах.

6) *Способность к наблюдению и действию (Beobachter- und Handlungsfähigkeit)*: «Нечто не есть изначально след, а становится таковым». *Следы становятся «следами»* в «контексте направленных интересов и селективных восприятий, который из ‚простых‘ вещей делает следы [...] Следы рождаются в глазах наблюдателя [...]».

7. *Интерпретативность, нарративность и полисемичность (Interpretativität, Narrativität und Polysemie)*: «Следы не обнаруживаются, а создаются в человеческих интерпретациях [...] Семантика следа раскрывает себя только внутри нарративной логики, в которой след и получает своё ‚нарративное место‘ [...]»

⁸⁹ Veune, P. Propaganda, Ausdruck, König, Bild Idol Orakel. In: Veune, P.: Die römische Gesellschaft. München: Fink 1995, S.321.

Но любое общение со следом есть акт односторонней коммуникации, при которой ,отправитель` и ,получатель` не могут обменяться ролями. Мы осознаём это, читая обозначенные на памятнике даты жизни / смерти человека («род. в 1917 г.» — «ум. в 1942 г.»). Даты эти изначально маркируют нам границы того «интерпретационного поля», в котором и рождаются все наши мнения, предположения и суждения об умершем человеке.

Но к категории «следов смерти» относятся не только *памятные надписи*, но и сами *памятные сооружения*— скромные и монументальные, величественные и помпезные. Последние, по моему мнению, лишь повторяют «ошибку египетских фараонов». Но о какой ошибке идёт здесь речь? Строя грандиозные пирамиды, египетские фараоны стремились этим, прежде всего, увековечить *себя*, оставить свой «личный след» в истории. Однако современный исследователь видит в пирамидах не просто «личные захоронения», а «коллективные следы» прошлой эпохи. К большому сожалению фараонов, мы «читаем» оставленные ими «следы» совсем не так, как они себе бы этого желали. Также роскошные и помпезные памятники нашей современности могут вызвать у нас далеко не те чувства, на которые рассчитывали их архитекторы.

И здесь мы приблизились к ещё одному важному качеству следа (пункт 8) — к его *гетерономному и пассивному (Heteronomie, Passivität)* характеру. Следы не могут защитить себя от интерпретационных злоупотреблений. С другой стороны, они не так уж и бессильны, как это может показаться на первый взгляд. Следы не позволяют себя корректировать, поправлять или изменять. Каждая попытка «изменить» след оставляет лишь новые следы.

Теперь мы подошли к *9 пункту — одномерности и неповторимости* — следа прошлого (*Eindimensionalität und Unumkehrbarkeit*). «Оставить след» означает всегда совершить не только *сингулярное*, но и *необратимое* действие, которое навечно останется в прошлом. Человек в состоянии повлиять на своё будущее, но никак не на своё прошлое.

Фантастический фильм «Назад в будущее» пытается противоречить этому тезису. Героям этого фильма действительно удаётся кардинально «изменить» неповторимую и одномерную цепочку следов прошлого. Однако и фантастический фильм опирается в этом случае на вполне реальное качество «следа» — его способность уметь существовать на различных временных уровнях. Это качество следа символизирует временной разрыв (*Zeitenbruch*) и указывает не то, что «того, кто оставил след и того, кто его читает всегда разделяет время» (*пункт 10*). Именно эта «неодновременность двух состояний образует структуру следа — два временных режима пересекаются в нём».

По этой причине след воспринимается человеком как «ставшее таковым бытиём» («*Das >Sein< der Spur ist ihr >Gewordensein<*»). Kremer указывает также на то, что «это пересечение времён в следе охватывает не только прошлое и настоящее, но и настоящее и будущее [...]»⁹⁰.

Опираясь на вышеназванные признаки СЛЕДА, мы можем вместе с Kremer заявить, что СЛЕД является не просто «средством» или «инструментом» человеческого познания, а «способом» человеческого мышления (*nicht das (Erkenntnis-)Werkzeug, sondern das Denkzeug*⁹¹).

Но для чего и почему человек стремится сохранить «следы смерти»?

Человек стремится сохранить «следы смерти» по причине её бесследности. Смерть — *бесследна*. *Бесследное* же не в состоянии оставлять

⁹⁰ Как я уже упомянул, все, упомянутые в 10 пунктах цитаты, взяты из работы Sybille Krämer «Was also ist eine Spur? Und worin besteht ihre epistemologische Rolle?» (Что есть след и в чём состоит его эпистемологическая роль?), опубликованной в рамках уже упомянутого мною сборника «Spur. Spurenlesen als Orientierungstechnik und Wissenskunst. Hg. v. Krämer, S./Kogge, W./Grube, G. Frankfurt am Main 2007. S. 15-19

⁹¹ Вышеуказанные понятия (*Erkenntnis-)Werkzeug* und *Denkzeug* взяты из работы Сибилле Кремер (Sybille Krämer).

после себя никаких следов. Это вовсе не в его натуре. Но любые, оставленные смертью, «следы» являются ничем иным как «следами жизни», потому что они оставляются *ЖИЗНЬЮ* и только «в жизни».

Более того, «следы смерти» не только оставляются жизнью, но они несут в себе ещё и отпечаток конкретной жизни, которая воспринимает людей и после их смерти по строго дифференцированной схеме, строя мавзолеи для *одних* и погребая в скромных могилах *других*. Абсолютно демократичной формой *существования* является, всё-таки, не жизнь, а смерть, перед которой, как известно, все равны. Жизнь подобного — «смертельного» — равенства не знает. Она и с мёртвыми обходится так, как будто бы они были живыми, подвергая их «прошлую жизнь» постоянной *переоценке*.

Было бы ошибкой считать, что мёртвым не угрожает политическое падение или возвышение. Достаточно вспомнить здесь эпизод выноса тела Сталина из ленинского мавзолея, символизирующий собой «смерть после смерти» бывшего вождя. Можно вспомнить также факт запоздалого увековечивания в памятниках и мемориалах жертв репрессий сталинского террора. В подобной посмертной *переоценке ценностей* нуждается, однако, не прошлое, а настоящее, которое, сохранив для себя «образы» умерших, постоянно *пересматривает* и *корректирует* их, *обудуществляя* таким образом своё прошлое.

Ведь «смерть есть мгновение, лишённое какого-либо „После“! »⁹² — мгновение, уничтожающее как прошлое, так и будущее. Человек вынужден существовать в «Теперь», т. е. на границе «бытия» и «не-бытия», когда «прошлого больше нет, настоящее постоянно исчезает, а будущего ещё нет...»⁹³. И для того, чтобы существование человека не превратилось в бесконечно непрерывное «Теперь», человек стремится *обудуществовать* своё

⁹² V. Jankélévitch. Указ. соч. С. 43.

⁹³ V. Jankélévitch. Указ. соч. С. 97.

прошлое, которое «становится воспоминанием и уроком для будущего только благодаря обудуществлению...»⁹⁴.

2.5 О человеческом стремлении «обудуществления прошлого»

Человеческую смерть сопровождает ритуальный акт *расставания* с умершим — акт, после которого у покойного начинается другая, независимая от него, жизнь — «жизнь после смерти». Этот акт предполагает, как мы уже упоминали, *материализацию* и *ритуализацию* смерти. И погребение есть ничто иное как «ритуальное оформление» акта смерти, которое происходит в момент «не-бытия» того, с кем *расстаются* живые.

Свою роль акт погребения выполняет, таким образом, только для живых. Тайну погребального акта надо искать в *настоящей* жизни, которая, заметим, в высшей степени уважительно относится к останкам умерших людей, хотя эти останки и не являются более людьми. Даже самые рьяные атеисты и материалисты остаются в вопросе отношения к мёртвым глубокими *идеалистами*. «...Что за существа эти 'мёртвые'»? — задаёт свой провокационный вопрос Paul Ricoeur:

«Вопрос о том “что за существа эти мёртвые?” настолько настойчив, что мы сами даже в наших светских обществах не знаем, как нам поступать с мёртвыми, то есть с трупами. Мы ведь не выбрасываем их в домашние отходы или в мусор, хотя в физическом отношении они последним и являются»⁹⁵.

⁹⁴ V. Jankélévitch. Указ. соч. С. 100.

⁹⁵ «La question Quelle sorte d'êtres sont les morts? est si insistante que meme dans nos sociétés sécularisées nous ne savons pas quoi faire des morts, c'est-à-dire des cadavres. Nous ne les jetons pas aux ordures comme des déchets domestiques, que physiquement ils sont purtant.» Paul Ricoeur. *Lebendig bis in den Tod. Fragmente aus dem Nachlass. Übersetzt und herausgegeben von Alexander Chucholowski. Hamburg 2011. S.8.*